

Глава 1

— Меня зовут Бой.

Он стоял прямо, не пытаясь сжаться в комок. И смотрел — тоже прямо.

— Это от английского «мальчик»? — поинтересовался профессор, поглядев поверх очков в золотой оправе.

— Нет, от русского «драка», — ответил Бой. Левый глаз у него почти запыл, на скуле корочкой запеклась кровь.

Ассистентка профессора, смерив Боя взглядом, застучала красными коготками по клавишам ноутбука. Ее светлые волосы были туго стянуты на затылке. Свет падал на макушку так, что ассистентка казалась лысой. Бой бы усмехнулся, но ситуация не располагала к веселью.

— На самом деле, — сказала «лысая», — его зовут...

— Не надо, — оборвал профессор. — Здесь, Лизонька, каждый имеет право называться как хочет.

Не имя красит человека, а человек имя. — На его щеках прорезались длинные борозды, похожие на щели в деревянном полу.

Ассистентка вздохнула и снова зацокала по клавиатуре, словно каждый ее палец был обут в туфлю на шпильке. Не отрываясь от дела, она глянула в правый угол стола, где растопырился маленький штатив с видеокамерой. Сдвинула тонкие брови, с важным видом поправила треногу, и опять — цок-цок-цок.

Когда всё закончилось, Бой вышел в коридор и рухнул на длинный темно-розовый диван. Чуть потертый и побелевший посередине, он напоминал язык с налетом. На дальнем краю расположилась девчонка, не то рыжая, не то блондинка — что-то между. С виду лет четырнадцати, хотя по ним, девчонкам, не поймешь. Бой скользнул по ней взглядом, потом закрыл глаза, откинулся на мягкую спинку дивана и приготовился ждать.

В ноздри навязчиво полез вкусный запах, настолько знакомый, что внутри зашевелилось предчувствие: вот-вот вспомню, вот-вот ухвачу. Девчонка, наверное, что-то жует?

Бой покосился влево: рыжая-не-рыжая придвинулась ближе и не скрываясь разглядывала его. Две растрепанные косы лежали на худых плечах.

Яблочным пирогом, вот чем пахло. Хотя никакого пирога не было.

— Привет, — сказала девчонка. — Я Зоя.

Она протянула ладонь для рукопожатия. Бой глянул на молочно-белые пальцы с ровно подстриженными ногтями и с размаху дал пять — у самого костяшки были обмотаны бинтом, на пальцах заусенцы. Девчонка хмыкнула, и в ее глазах будто включили подсветку: каряя радужка вспыхнула золотом. Запах яблоч, сдобного теста и корицы усилился: девчонка подалась вперед, словно собираясь доверить секрет. Или, наоборот, выспросить.

— Кого хочешь воскресить? — прошептала она.

Бой посмотрел на девчонку долгим взглядом и ответил:

— Себя.

* * *

После того, что случилось, он не знал, как к себе относиться.

Ненавидеть? Возможно. Презирать? Наверное. Жалеть? Только не это.

Бой вставал с постели, одевался, ел, но делал всё по инерции, готовый в любую секунду упасть замертво, как выключенный робот. С каждым разом ему становилось всё сложнее просыпаться, засовывать в рот ложку с едой, просто шевелиться. Хотелось лежать в своей комнате, уставившись в стену. Однажды он так и провел целый день.

Мама заглянула, позвала надтреснуто. Когда он не откликнулся, вышла. Принесла тарелку с едой и, бросив «поешь», снова исчезла. Отец вообще не заходил.

То ли ночью, то ли рано утром — в комнате было темно — мамин голос сказал: «Не спишь? Завтра поедем к психологу. Вместе. Я, ты и папа». Вначале голос слегка дрожал, а потом тяжело звякнул, точно молоток о гвоздь: «И это не обсуждается».

Бой и не собирался ничего обсуждать. Он подождал полчаса, бесшумно поднялся с кровати, закинул в себя холодную безвкусную еду, собрал рюкзак (то есть насовал туда всё, что попало под руку), прихватил спальник Темыча и выскользнул за дверь. Даже если родители слышали, как Бой уходил, они не выглянули из спальни.

У него не было никакого плана. Он просто знал, что нужно бежать. Иначе придется опять рассказывать, что случилось на прудах. Выворачивать наизнанку душу перед каким-то безразличным шарлатаном. А мама с отцом будут рядом — вот что самое плохое. Будут сидеть, слушать, молчать, смотреть или не смотреть на него. А он-то знает, что у них на уме. Он всё слышал. Тогда, ночью, после похорон.

Лифт распахнулся и забрал его. Разгоряченный лоб привалился к стальной двери в надежде на прохладу.

Не вспоминай, не вспоминай. И сразу вспомнилось.

Темно-синий глаз полыньи, а в нем — маленький выпуклый зрачок. То исчезнет, то вновь появится. Желтый ласковый свет стелется над прудом, слепит, заставляет приставить ко лбу козырек-ладонь. Что же там за штуковина в полынье? То нырнет, то вынырнет. Как поплавок.

Друг Темыч шуршит «Сникерсом», бросает обертку на землю. Свин, что тут сказать. Бой надрывает упаковку батончика, снова вглядывается в полыню и роняет шоколадку в снег.

Забудь, забудь. Не забывается.

Выйдя из подъезда, Бой запрокинул голову и посмотрел на окна квартиры. Не горит ли свет? Не горит. Три темных провала — три полыньи.

«Что же это? — с болью подумал Бой. — Теперь так всегда, что ли, будет? Всегда будет мерещиться?»

Он замахнулся и влепил себе оплеуху, прямо как Нортон в «Бойцовском клубе». Лицо обожгло, зато на душе полегчало. «Ковру, который выбивают от пыли, тоже легчает с каждым ударом», — прозвучало в голове. К чему подумал? Откуда эти мысли? Какая разница! И ковры-то давно никто не выбивает. Вот только Бой был готов пускать в черепную коробку любой бред, лишь бы не думать о полынье и прудах.

Темные окна квартиры не звали назад, не вселяли надежду. Бой усмехнулся, пристроил спальня

мешок на плечо и побрел прочь. За спиной, в глубине двора, скрипнули качели. Обернись Бой, увидел бы, что за ним увязались три сутулые фигуры.

* * *

С ног-то они его сшибли, да и мобильник, как выяснилось потом, отобрали. Зато одному перепало под дых, а другому — в рожу. До последнего, жаль, не добрался.

Трое на одного — с таким раскладом Бою еще не приходилось сталкиваться. Обычно, когда случалась заваруха, рядом оказывался Темыч. Бой привык, слишком привык, что всегда есть кому подстраховать. А сейчас судьба, явившись в виде трех сутулых пацанов, объяснила: «Ну всё, Бой, ты теперь совсем один». Доходчиво объяснила, на языке боли.

Глупо цепляться за мобильник, когда решил жить как Супербродяга из фильма «В диких условиях»*. Да Бой и не цеплялся. Просто отдавать гиенам вещь, которую можно в перспективе продать, чтобы купить еды, было еще большей глупостью. Зря, что

* «В диких условиях» — фильм 2007 года режиссера Шона Пенна по мотивам реальных событий о студенте, который отрекается от материальных ценностей и странствует по Мексике и США. — *Здесь и далее примеч. ред.*

ли, закалялся в боях с уродами из параллельного «Б»? Зря носил свою кличку?

Гиенами он прозвал их сразу, как только сумел разглядеть. Уж очень парни напоминали Шензи, Банзая и Эда из «Короля Льва»: один самоуверенный, с вороной челкой, другой крупный, бритоголовый, а третий просто какой-то дурковатый.

Набросились они быстро, без лишних разговоров. Нет, конечно, для затравки накидали банальщины: «Эй ты, стопэ», «Слышь, дай-ка телефончик на один звоночек» и всё в таком духе. Потом окружили и стали напирать. Видно, давно искали, кому навалить. Изголодались. Парень с потерянным взглядом, рюкзаком на одном плече и спальным мешком на другом показался им легкой добычей.

В боевиках злодеи-статисты, прихвостни главгада, нападают на героя строго по одному, ожидая своей очереди. Гиены кинулись разом — пусть неумело, но с кипящей энергией, свойственной озлобленной стае. Бой едва успел швырнуть на землю пожитки, как на него налетел Шензи, а сбоку прыгнул, пародируя шаолиньского монаха, Эд. Р-раз, два — один согнулся пополам, другой с воплем схватился за нос. Но вместо триумфа Бой оказался на спине: тяжеловес Банзай подкрался сзади, схватил за капюшон, рванул — и земля ушла из-под ног.

Потом Бой закрывался, изворачивался, отбрыкивался. Шуршала по асфальту куртка, пыхтели

и матерились гиены, а единственные свидетели — деревья в парке — молча кружились над головой. Шелестеть им пока было нечем.

Бой хотел перехватить ногу Шензи, но неудачно раскрылся и получил грязной кроссовкой прямо в глаз. Боль ослепила взрывом сверхновой, в каждом ухе забило по колоколу, и гиены не упустили момент. Они словно подушку взбивали, наслаждаясь каждым ударом. Бой сжимался, прикрывался. А потом в голове сверкнуло: «Может, пусть запинают, а?» Мысль проскользнула быстро, но не бесследно. Так же, наверное, подписывают договор с дьяволом — одним махом, чтобы не передумать, пачкают пергамент кровью.

Да. Пусть запинают. Пусть решат все его проблемы.

Прямо здесь, на аллее парка, утонувшего в ночи.

Бой вытянул ноги и убрал руки от лица. Это было трудно. Труднее, чем сопротивляться.

— Эй, малышня! — с хохотком окликнул кто-то. — Вас мамки дома не заждались?

В голосе слышалась сила. Даже не сила, а силушка — благодушная такая, богатырская, способная размазать тебя, как подтаявшее масло по теплomu хлебу.

Еще мгновение назад гиены пинали Боя, подбадривая друг друга нелепым матерным твяканьем. А сейчас смолкли и пинать перестали. Бой услышал

шепоток: «Да ну на...» — и быстро удаляющиеся шаги. Он полежал немного, чтобы прийти в себя, и поднялся.

— Ты чего сдался-то? — спросил богатырский голос.

Бой пригляделся, прикрывая ладонью подбитый глаз. Говорил, не иначе, шкаф. Фигура громоздкая, прямоугольная, а на плечах, как на книжных полках, можно разместить все тома бабушкиной советской энциклопедии. Рядом стоял еще один шкаф, чуток поменьше.

— Ух, ну и досталось тебе, — добродушно отметил первый. — Давай-ка дуй сюда. — Он вальяжно пома-нил могучей лапой. — Отвезем туда, где подлатают. Без лишних вопросов.

— Не бойся, — добавил второй. — Не обидим.

Садиться в машину к незнакомцам — не лучшая идея. Этому Боя учили с детства. Вот только теперь он жил по принципу «всё равно». Бой медленно нагнулся, поднял вещи и поплелся за шкафами-богатырями.

Когда черный «гелендваген» пожирал трассу, Бой обнаружил, что остался без мобильного. В какой момент гиены успели свистнуть старый отцовский айфон? Или телефон пропал позже?

«Всё равно», — мелькнуло внутри. Бой откинулся на спинку сиденья и провалился то ли в дрему, то ли в свой личный ад.

* * *

...Надрывает упаковку батончика, снова вглядывается в полынью и роняет шоколадку в снег.

Теперь Бою ясно, что там за штуковина в пруду. Ясно, что за поплавок — то нырнет, то вынырнет. И эта безжалостная ясность вышибает пот.

— Динка! — кричит Бой. — Это Динка! В воде!

Ужас ледяной лапой хватается за шкурку и бросает к чугунному парашюту, которым огорожен пруд. Ушли-то всего на десять минут, за «Сникерсами», и Динке пообещали «Киндер-сюрприз», вон он в кармане топорщится. Не то бы разнюнилась от зависти, что парни уплетают батончики. А потом, за ней не заржавеет, настучала бы родителям, что оставили одну на прудах.

Тащиться с мелкой в супермаркет было неохота. Начнет выпрашивать и то и се — проверено. К тому же хотелось пообщаться с Темычем по-человечески: вернуть крепкое словцо, потроллить друг дружку, обсудить без цензуры намеченную разборку с обнаглевшими бэшниками. При Динке-то — ни-ни: сразу схватывает. Дома брякнет что-нибудь, мама ахнет, отец нахмурится — и мелкая сразу: «А это о-о-он так говори-и-ит».

Навязал отец соплячку.

Сестричка, родная, ты только не тони.

Динкина шапка с оранжевым помпоном вновь показалась над водой и тут же пропала из виду.

Не сводя глаз с полыньи, Бой скинул куртку, сбросил ботинки, перемахнул через ограду и побежал по мартовскому льду. Сердце прыгало, как пластмассовая начинка в «Киндер-сюрпризе». Носки мгновенно намокли, но холода Бой не чувствовал. Наоборот, внутри всё горело. Ледяной настил скрипел и хрустел под ногами — этот звук мог бы напугать, но бегущий и так был напуган. Лечь надо, вот что. Увеличить площадь: что-то такое на физике объясняли. Лег и пополз.

Динкина голова больше не выныривала, а в голове у Боя выныривали и выныривали вопросы. Почему она не кричала, не звала на помощь? Почему ее вообще понесло туда, на лед? И почему над водой больше не появляется помпон, похожий на апельсин?

Бой сунул обе руки в полынью и зашарил в мокром холоде, надеясь нащупать и вытащить. Набрал воздуха — погрузил голову в воду. От лица до затылка рыбьим косяком прошла сотня ледяных иголок. Раскрыв глаза, он тяжело заворочал шеей. Ничего не видно. Ничего и никого.

— Вали! Вали оттуда! Ща провалишься! — долетело с берега, когда он поднял голову, чтобы глотнуть воздуха.

Что происходило дальше, Бой помнил смутно. Какие-то люди, не только Темыч, кричали, чтобы он выбирался. Пропали все мысли, канула в пустоту способность принимать решения, и голоса потянули

назад, как накинутое лассо. Бой пополз прочь от полыньи, содрогаясь всем телом и стуча зубами, хотя в груди и голове вращались огненные колеса. У ограды его подхватили и вытащили на берег.

— В-вызовите с-спасателей, — прошептали замерзшие губы.

Бой хотел отключиться, потом прийти в себя и узнать, что всё это — дурной сон.

Два из трех его желаний исполнились.